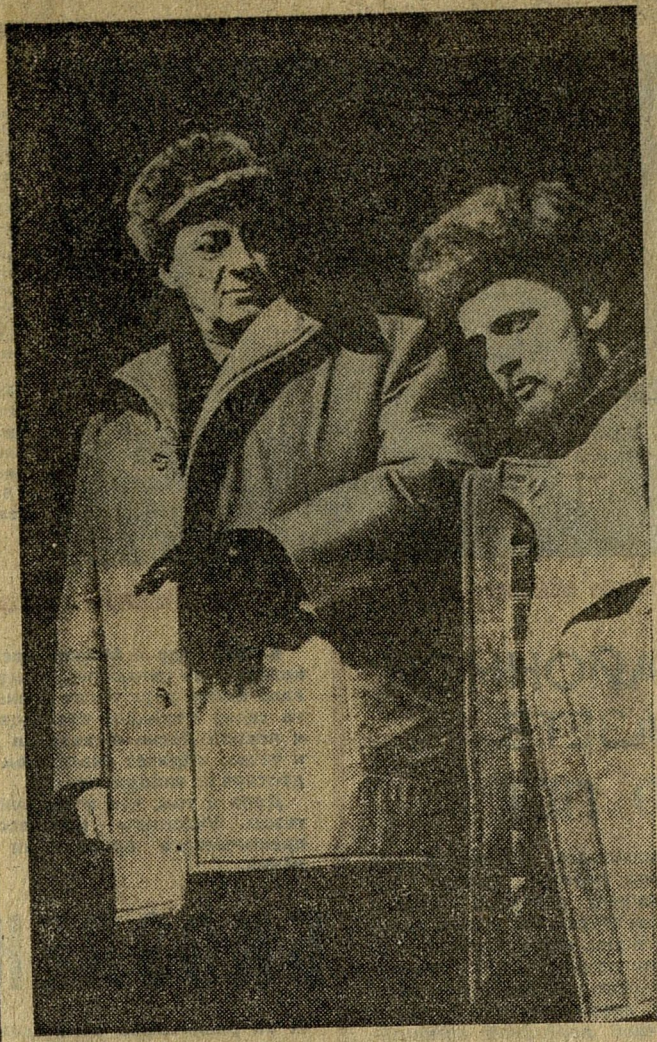

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

МУЖЕСТВЕННЫЙ
ГУМАНИЗМ

В искусстве, как и в науке, в числе прочих есть и доказательство «от противного». Этический идеал в этом случае утверждается не прямо, в образе какого-нибудь положительного героя, а косвенно, через показ отрицательных явлений. Заклеймить порок, дать ему имя, чтобы зрители использовали его в борьбе с тем же пороком, — благородная задача художника.

Вот с этих позиций я и поведу разговор о творчестве заслуженного артиста РСФСР Владимира Яковлевича Коноплянского, актера Челябинского драматического театра имени С. М. Цвиллинга.

Сфера творческого притяжения, пристрастия В. Коноплянского — герои трагедийного звучания. Это, как правило, сильные личности. Они выступают на трагических переломах истории и испытывают мучительный разлад в душе, являющийся отражением исторических катаклизмов. Таковы его Забелин в «Кремлевских курантах», Глостер в «Короле Лире», Борис Годунов в «Царе Юрии», Курдюков в «Кенармии» и другие. Для некоторых из них, например для Забелина, есть выход, и он заключается в том, чтобы стать на сторону социалистической революции. Другие, как белоказак Курдюков, белогвардейский полковник в спектакле «У времени в плену», находят свой трагический конец потому, что упорно шли против истории, и она в лице революции отшвырнула их прочь со своей дороги. Третьи (например, Циганов в «Варварах») свидетельствуют о том, что нравственный распад личности приводит ее к банкротству не только в глазах других, но и в своих собственных.

Оптимизм у В. Коноплянского — мужественный, не закрывающий глаза на правду жизни, в которой зло не сразу оказывается побежденным. И это подлинный оптимизм, он выковывается у зрителя бесстрашием, сознательный героизм и готовность бороться со злом до конца. Корни такого оптимизма питает революционный гуманизм.

— Я ненавижу зло, — говорит Владимир Яковлевич, — и когда мне представляется возможность обличить его, я показываю силу зла, с которой нелегко бороться.

В. Коноплянский не стесняется правды, какой бы суровой она ни была. Он никогда не опускается до псевдоглубокого «разоблачения» отрицательных героев, не дискредитирует их добавленными «от себя» мелочно-отталкивающими чертами, не делает легковесных попыток поселить в нас ложную уверенность в бессилии их, якобы не представляющих серьезной помехи для развития прогрессивных сил.

Если рассматривать все это в плане художественного метода, то это — полнокровный реализм, избравший своим орудием перевоплощение. Перевоплощаясь же, актер должен психологически оправдать своего героя — пусть его накажет сама судьба, которую он избрал. Оттого-то герои В. Коноплянского в большинстве своем — люди не покорившиеся, а побежденные.

Курдюков В. Коноплянского — поджарый, сильный, какой-нибудь крепкий хозяйчик — кулак с Дона. Он с зоологической ненавистью относится к Советской власти. С яростью зверя набрасывается он на сына Ваську, буденновского бойца. И если бы не он у сына оказался в плену, а наоборот, то он замучил бы своего потомка так же, как замучил уже старшего сына Федю. Люди одной крови, но им не договориться, не понять друг друга. Такой враг не сдается... Таков и полковник в исполнении В. Коноплянского в спектакле «У времени в плену».

Столкновение с такими героями не всем приносит победу. Если носители идеалов добра недостаточно сильны, если они не готовы на решительный бой, не умеют бороться с силами зла, они погибают, как гибнут Лейди и Вэлл, герои спектакля «Орфей спускается в ад». Всего два-три раза ненадолго появляется на сцене Джейб Торренс — В. Коноплянский, но за короткие мгновения остро запечатлелась эта зловещая фигура человека-ненавистника. Стоя одной ногой в гробу, он последним усилием воли стреляет в Лейди, бросившую вызов силам зла.

Артист отнюдь не пользуется одними мрачными красками, не создает каких-то чудовищ зла, пугающих воображение (бывает ведь и такой подход). Нет, он создает полнокровный жизненный характер в его, так сказать, натуральную величину. Таков, например, его Мюллер, шеф гестапо в «Семнадцати мгновениях весны». В своем бытовом облике он даже не лишен некоторых достоинств. Артист наделяет его умом, чувством юмора. Но тем опаснее Мюллер: за его человеческой оболочкой скрывается матерый враг, исповедующий человеконенавистническую философию фашизма. Когда в образе, созданном художественной правдой, тогда рождается глубокое доверие зрителей к художнику. А оно — залог того огромного влияния актера на аудиторию, которое и отмечает подлинное искусство, несущее нам открытие мира.

Владимир Яковлевич любит играть и в комедии. Вспомним его роль адвоката Сагамора в «Миллионерше». Какое здесь органическое, глубокое воплощение Шоу! Его Добротин в «Марии» никак нельзя поставить под шаблонное обозначение «отрицательный герой». Да, это сложный, противоречивый, но крупный характер. Несмотря на ошибочность его позиции в конфликте с Марией, мы ни на секунду не сомневаемся в бескорыстии, субъективной честности Добротина. Отсюда конфликт приобретает более острое общественное звучание.

Я лишь хотел выявить и подчеркнуть главное в творческом методе артиста В. Коноплянского, что сказывается на его специальных образах, наделенных самобытной художественной силой.

Б. СУШКОВ.

На снимке: сцена из спектакля «Мария». Добротин — В. Коноплянский, Егор — В. Петров.

Фото В. Шаталова.